

К. С. Григорян

Днепр

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОКТЯБРЬСКОГО МИФА В РАССКАЗЕ В. ПЕЛЕВИНА «ХРУСТАЛЬНЫЙ МИР»

Григорян К.С. Интерпретація Жовтневого міфу в оповіданні В. Пелевіна «Кришталевий світ».

У статті акцентується увага на інтерпретації Жовтневого міфу в творі Віктора Пелевіна в контексті проблематики, яка турбує письменника протягом усієї творчості: «Що є добро і зло?» В. Пелевін у своїм оповіданні не припиняє вести своєрідний діалог з культурними кодами, закладеними в свідомість звичайної людини, вступає з ними в полеміку. Залишається актуальним і в нашому сучасному світі пошук письменника відповіді на питання: Чим виявився Володимир Ленін для тієї потужної держави, якою була Росія? Матеріалом для статті став міфопоетичний аналіз оповідання В. Пелевіна «Кришталевий світ», а також дешифрування численних історико-культурних алюзій, присутніх в тексті. Неоміфологізм, або міфотворчість, В. Пелевіна виявляється концептуально значущим структурно-ідейним компонентом твору. Об'єктом нашого дослідження стали також композиційні особливості оповідання В. Пелевіна, художній метод письменника; були проаналізовані основні міфологеми, властиві російської національної культурі, і їх інтерпретація в тексті. Російський письменник звертається до історико-соціальних питань в період, коли вони стають по-новому істотними і тривожними в атмосфері чергового переворотного 1991 року. У цьому контексті Віктор Пелевін пропонує свою відповідь-інтерпретацію того, що сталося в 1917 році, пропонує свій власний міф. Письменник створює притчу про біполярність світу, про вічне повернення і повторення історією самої себе. В. Пелевін використовує архаїчну модель часу, укладеного в коло, надаючи розповіді абсурдність, іронічність. В цьому і полягає своєрідність художньої системи В. Пелевіна.

Ключові слова: міф, неоміфологізм, міфотворчість, мотив драконоборства, жанр билини, міфологема, кільцева композиція, архаїчний час.

Феофан Прокопович в своїм трактаті «De arte poetica» пише, що художественное произведение можно назвать живым только в том случае, если в нём присутствует категория вымысла, или подражание [10]. Однако пишущий в процессе создания своего произведения оказывается не только подражателем, но также и «переосмыслителем» окружающей действительности. Довольно ярко это переосмысление отразилось в творчестве современного российского писателя Виктора Олеговича Пелевина. Неомифологізм, или мифотворчество, В. Пелевіна оказывается концептуально значимым структурным компонентом его произведений, определяя их поэтику. Эта проблема не раз становилась предметом исследования в работах таких критиков и литературоведов, как П. Басинский [1], А. Генис [2], А. Немзер [8], И. Роднянская [11] и др.

Особенности мифологизации такого рода ярко проявились в рассказе «Хрустальный мир», который был напечатан в 1991 году в журнале «Знание – сила». Это произведение по праву можно назвать пророческим. Будучи написанным в начале 1991 года, оно предзнаменовало развал той великой державы, которая строилась мифологизированными драконами и которая ими же была разрушена. В рассказе «Хрустальный мир» В. Пелевин художественно воспроизводит крупнейшее событие в истории Российской империи – октябрьский переворот 1917 года. Эта знаменательная дата породила и порождает до сих пор большое количество мифов, интерпретационных интенций, но, как верно отмечает К. Леви-Стросс, «миф существует лишь в совокупности своих вариантов» [цит. по: 6, с. 90]. Так, в данной статье была предпринята попытка анализа и декодировки варианта В. Пелевина.

Отметим, что миф присутствует во всех сферах жизнедеятельности человека, и он является продуктом человеческой фантазии, творчеством человека. Как отмечает Е. Мелетинский, «мифотворчество является древнейшей формой, своего рода символическим “языком”, в терминах которого человек моделировал, классифицировал и интерпретировал мир, общество и себя самого» [7, с. 152]. Таким образом, миф как некая легенда, рассказ, сюжет, предание и миф как каждодневное творчество человеческого сознания пронизывает всю нашу жизнь. Чаще всего миф «сводится к космогизации первичного хаоса, к борьбе и победе космоса над хаосом» [6, с. 12], и «древнейшая тема мифа – это созидание мира в целом или его частей, элементов» [6, с. 51], поэтому основным сюжетом мифа является сражение сил добра и зла. Довольно частым является мотив драконоборства, борьбы с чудовищами, хтоническими божествами. Именно такое сражение представлено в рассказе В. Пелевина «Хрустальный мир». Открывается художественная картина со следующей авторской мысли: «Каждый, кому 24 октября 1917 года доводилось нюхать кокаин на безлюдных и бесчеловечных петроградских проспектах, знает, что человек вовсе не царь природы» [8, с. 83]. Такое опережающее самостоятельные выводы читателя замечание, несомненно, заинтересовывает своей категоричностью. Если не человек, то кто же является царём природы, что это за существо нечеловеческого (или сверхчеловеческого) происхождения? Сейчас попробуем разгадать эту загадку.

Юрий Попович и Николай Муромцев – главные герои рассказа. Фамилии героев моментально отсылают читателя к персонажам древнерусского былинного эпоса – богатырям Алёше Поповичу и Илье Муромцу, воплощающим общий народный идеал героев-воинов, стражников, защитников земель русских. В рассказе основная функция Юрия и Николая – не допустить, чтобы кто-то проник в Смольный, т. е. они выполняют изначально заданную функцию защитников. Напомним, что, по легенде, Алёша Попович и Илья Муромец сражались с Соловьём-Разбойником и Тугарином Змеем [6, с. 19]. Немаловажными оказываются также имена наших героев: Юрий – русская

форма греческого имени Георгий, отсылающая к имени Святого Георгия, Георгия Победоносца. Одним из самых известных посмертных чудес святого Георгия является убийство копьём змея (дракона), опустошавшего землю одного языческого царя. Что касается имени Николай, то с греческого языка оно переводится как «победитель народов», а также вызывает стойкую ассоциацию с Николаем Чудотворцем, или Николаем Угодником. Таким образом, мы видим, что в именах героев как бы удвоена их богатырская сила и функция защитников. Однако богатыри пока бездействуют, потому что, «чтобы не пропустить кого-то к Смольному по Шпалерной, надо, чтобы кроме двух готовых выполнить приказ юнкеров существовал и этот третий, пытающийся туда пройти – а его не было» [8, с. 86]. Так богатыри оказываются в смешном положении, потому что противника, по-видимому, и не будет: улицы безлюдны и безмолвны. Однако в этом замечании явлена фигура некоего третьего, появление которого должно оправдать фамилии героев, богатырскую природу Юрия и Николая. Именно этот третий, по логике повествования, будет выполнять роль противника, антагониста, трикстера.

Вскоре, после философских размышлений юнкеров о предназначении человека, в рассказе появляется новая многоликая фигура, которая пытается пройти в Смольный. Сначала это неизвестный господин с получеховской бородкой, с котелком на голове, в тёмном пальто, с хитрыми прищуренными глазками, лет пятидесяти; во время второй попытки это жирная женщина под густой вуалью; во время третьей попытки это инвалид в коляске и женщина с красным крестом на колпаке; во время удавшейся четвёртой попытки это комендант, провозящий лимонад для караула. Каждая новая маска выдавала в нём первого картавого господина, довольно коварного и подозрительного, «похожего на специализирующегося по многотысячным рысакам конокрада» [8, с. 87]. Юрий и Николай, обладая богатырской проницательностью, сразу заподозрили что-то неладное.

Вспомним, что из былинного эпоса зачастую выделяют три ключевые богатырские фигуры: Илью Муромца, Алешу Поповича и Добрыню Никитича. Именно эти герои сражались против бесчисленных врагов-чудовищ, драконоподобных существ, угрожающих и препятствующих благополучию русских земель. Таким образом, в тексте обнаруживается некий пропуск, зияние, отсутствие ещё одного богатыря. Если вспомнить картину «Богатыри» В. Васнецова, то становится очевидным, что победить противника богатыри смогут только совместными усилиями, но в одиночку им это не удастся. Эта картина, созданная во второй половине XIX века, является настоящим национальным шедевром и символом русского самобытного искусства. В ней представлены три русских богатыря – знаменитые герои народных былин, имена которых мы уже упомянули. Сам В. Васнецов (в письме к П. Чистякову) описывал картину так: «Богатыри Добрыня, Илья и Алёшка Попович на богатырском выезде – примечают в поле, нет ли где врага, не обижают ли где

кого?». Таким образом, этот третий, появление которого детерминировано Высшим Разумом, является одновременно и демоническим существом (противником), и богатырём (помощником). Однако В. Пелевин играет с читателем посредством композиционного построения текста. В эпиграф рассказа вынесено стихотворение А. Блока «Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...», в котором также появляется некий третий невыпуклый персонаж. С помощью эпиграфа «Вот – третий на пути. О, милый друг мой, ты ль / В измятом картузе над взором оловянным?» писатель включает в текст этого «третьего в картузе». Им оказался картавый господин, появившийся первым посреди безлюдных улиц, – Владимир Ленин. Именно он, неназванный, под разными личинами пытается проникнуть в Смольный, что в конечном итоге у него получается, потому что хронос художественного пространства, его содержательное течение предопределено, назначено, неотвратимо, «околесовано». Эпиграф «Хрустального мира» не существует отдельно, его нельзя рассматривать изолированно как дополнительный, надстрочечный смысл рассказа. Блоковский текст составляет ось, вокруг которой разрастается рассказ: текст Блока проходит через всё повествование как лейтмотив, он является и ключом к символам В. Пелевина. Таким образом, писатель включает в повествование образ третьего богатыря (Вл. Ленина), который не удвоен, он скорее размыт, явлен только посредством эпиграфа, косвенно. Можно сказать, что В. Пелевин показывает сражение трёх богатырей: двух могущественных и одного призрачного.

Встречу Юрия, Николая и Третьего можно интерпретировать как картину трёх богатырей, оказавшихся по разные стороны фронта, а возможно, как и на картине Виктора Васнецова, по одну. Ведь они в равной степени сражаются за Россию. В центре картины «Богатыри» изображён Илья Муромец. В рассказе «Хрустальный мир» центральной фигурой должен был стать Юрий Попович, именно ему было предназначено спасти страну от змея. По идее, именно он в центре повествования, ему принадлежат слова: «...я отмечен каким-то особым знаком и должен сыграть огромную роль в истории» [8, с. 84], «чем бы я не занимался, в духовном смысле я стою на некоем посту и защищаю мир от древнего демона, с которым уже когда-то сражался» [8, с. 89]. Однако оказывается, что центральная фигура картины-мифа «Богатыри» (Илья Муромец) своим именем отсылает не к Юрию Поповичу, а к Николаю Муромцеву. Таким образом, богатырь с картины Васнецова оказывается молодым и слабым, но при этом Николаем Чудотворцем. А вот Алёшка Попович, как его назвал сам художник, по сравнению со своими товарищами-богатырями молод, юн. У него нет бороды, его конь как-то печально опустил голову. В рассказе «Хрустальный мир» на месте этого богатыря Николай Муромцев. Он молодой, неопытный, рефлексирующий, видящий своё блаженное детство в сновидениях. Однако богатырь с картины сопрягается с именем Юрия Поповича, который по рассказу оказался слабым, хотя его имя

соединено с именем Георгия-победителя. Ещё один богатырь на белом гордом коне – Добрыня Никитич. Он изображён достающим из ножен меч, готовый ринуться в бой в любой момент. Вот этого-то богатыря и недоставало: его, как явления Христа народу, всем существом своим жаждал мир-город.

Таким образом, Пелевин переставляет персонажей картины-мифа В. Васнецова и трансформирует привычные мифологемы для создания собственной вариации октябрьского мифа, который столь же фундаментален для российской культуры и мироощущения, как былины и картина-миф «Богатыри». На месте сильного и уверенного Ильи Муромца, презрительно глядящего с картины Васнецова, оказывается слабый и мирный Николай. В то время как на месте юного Алешки Поповича оказывается серьёзный и решительный Юрий. В. Пелевин переиначивает и саму картину «Богатыри», и миф о богатырях, и миф о природе революции 1917 года, точнее миф о свершителе этой революции. Писатель заглядывает с другой стороны, он показывает вещи иначе, делая их «обратной стороной медали», слабой и противоречивой стороной, указывает на амбивалентность богатырских образов и неоднозначность их трактовки. Вопрос о победителе внутри этого тройственного союза богатырей остаётся нерешённым. Очевидно, что В. Пелевин предлагает читателю самостоятельно прийти к выводу, оставляет пространство для домысливания самому реципиенту.

Также нельзя оставить без внимания затянутое тучами небо на картине Васнецова. Это тревожный знак грядущей опасности. Подобный пейзаж изображён и в рассказе: «Сверху, там, где днем была широкая полоса неба, сейчас не видно было ни туч, ни звезд – сырой и холодный мрак провисал между двух линий крыш, и клубы тумана сползали вниз по стенам» [6, с. 87]. В. Пелевин намеренно открывает художественную картину событий с описания петроградских «бесчеловечных» улиц, на которые опустилась ночь. Именно ночью все призраки наделяются невероятной силой, поддержкой тёмных сил. И хотя по христианской символике Георгий должен победить дракона, а Николай должен сотворить чудо, тем не менее, по В. Пелевину, побеждает другой богатырь – Ленин. В самом выборе времени суток в рассказе заложена мощная потенция. С одной стороны, ночь предвещает столкновение с силами зла, вызов смерти, хаос, разрушение, страх, а с другой – именно это время рождает Бога, порядок, детерминированность и упорядоченность жизни, ценностный бытийный концепт. В народе закрепилась следующая поговорка: «Утро вечера мудренее», т. е. мудрость приходит к утру, но рождается она ночью. Так, ночь выступает как трансгрессивное состояние, состояние перехода или к смерти, или к рождению. Х.Э. Керлот в своей работе «Словарь символов. Мифология. Магия. Психоанализ» отмечает, что «ночь и тьма предшествуют созданию всех вещей. Отсюда – ночь (как и вода) выражает изобилие, потенциальную силу и способность к росту; в ней присутствует некое состояние ожидания (ещё не день), обещание дневного света» [7, с. 342]. Таким

образом, Вл. Ленин, которому покровительствуют силы ночи, в пелевинском мифе оказывается одновременно богатырём и змеем (драконом), которого должны победить герои, не допустить его в Смольный, Богом и Сатаной, Идеалом и Бесом, Добродетелью и Пороком, Рождением и Смертью. Такая доходящая до абсурда пелевинская логическая цепь освобождает реципиента от «внутренних кандалов» и даёт право на самостоятельный поиск ориентиров и стабилизаторов здравого смысла. Писатель предоставляет читателю возможность самому решать, кем оказался Вл. Ленин для России и кем оказывается каждый новый Дракон для мир-города, потому что Россия – это лишь условность, образ некоего первогорода, священного места, Матери Мира. Смерть ли это или рождение? Решать тому, к кому обращено высказывание В. Пелевина и с кем писатель вступает в диалог, т. е. каждому отдельному реципиенту (читателю).

Блоковское стихотворение создаёт кольцевую композицию рассказа. Оно явлено в качестве эпиграфа, также его цитируют Юрий и Николай в перерывах между своими философскими размышлениями о предназначении человека, и заканчивается рассказ также строками из этого стихотворения А. Блока. Такая кольцевая композиция произведения важна как мифологический образ мира-круга, круговорота, цикла. Это связано с тем, что мифологическому сознанию присуще своё ощущение времени, замкнутого в кольцо, не имеющего начала и конца, вечно повторяющегося, возвращающегося, возрождающегося, обновляющегося, что отражается в упоминаемых в тексте мифологемах «круга», «шара», «колеса», «кольца». Отметим, что В. Пелевин на основе такого восприятия мира строит не только композицию данного произведения, но в то же время он создаёт собственный миф – миф о постоянном умирании и возрождении, опасности и спасении, безысходности и надежде. Л. Карасёв в своём труде «Философия смеха» отмечает, что круг – иноформа смеха [4, с. 101]. Таким образом, В. Пелевин использует архаическую модель времени, заключённого в круг, чтобы показать абсурдность происходящего, абсурдность власти, абсурдность всех изменений, которые ничего не меняют. Всё замкнуто в неразрывный круг, неразрывные последовательности. Именно поэтому Г. Касторп говорит о том, что архаическое время не «вынашивает перемен», «движение, которым измеряется время, совершается по кругу и замкнуто в себе, то есть движение, изменения, всё равно что покой и неподвижность» [цит. по: 7, с. 318]. Этот же тезис реализуется В. Пелевиным в рассказе «Хрустальный мир». Писатель изображает невозможность избежать предопределённости, изменить события, вписанные в вечный круговорот.

По определению Я. Голосовкера, миф «есть образно выраженная идея» [3, с. 51]. Так, пелевинская интерпретация исторических событий 1917 года в рассказе «Хрустальный мир» оказывается такой же выраженной идеей. На наш взгляд, «Хрустальный мир» – притча о биполярности мира. История, по В. Пелевину, – это вечное повторение, вечное возвращение, необратимость

событий, их предначертанность и неизбежность; это вечное колесо, под которым хрустят человеческие кости и светлые надежды, такие, например, как создание Рая на земле. Однако даже крушение в точно заданный момент времени приводит к созданию чего-то нового, чтобы после этого снова уничтожиться. Даже «в эстахологии главное – не конец мира, а уверенность в новом начале» [12, с. 81], поэтому жизненный цикл необратим и вечен, как мир и как миф о мире.

Библиографические ссылки

1. Басинский П.В. Виктор Пелевин: Человек эпохи реализма / П.В. Басинский // Басинский П.В. Классики и современники. 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lit.wikireading.ru/34952>
2. Генис А.А. Беседа десятая: Поле чудес. Виктор Пелевин / А. Генис // Звезда. – 1997. – №12. – С. 230–233.
3. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа / Я.Э. Голосовкер. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 496 с.
4. Карасёв Л.В. Философия смеха / Л.В. Карасёв. – М.: Изд-во РГГУ, 1996. – 232 с.
5. Керлот Х.Э. Словарь символов. Мифология. Магия. Психианализ / Хуан Эдуардо Керлот. – М.: «REFL-book», 1994. – 608 с.
6. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Е.М. Мелетинский. – М.: Изд-во РГГУ, 1994. – 136 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное / Е.М. Мелетинский. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
8. Немзер А.С. Как бы типа по жизни. «Generation П» как зеркало отечественного инфантилизма [Электронный ресурс] / А.С. Немзер / Виктор Пелевин. Романы. Повести. Рассказы. – URL: <http://www.guelman.ru/slava/writers/nemzer.htm>
9. Пелевин В.О. Хрустальный мир: Рассказ / В.О. Пелевин // Знание – сила. – 1991. – №3. – С. 83–91.
10. Прокопович Ф. Из трактата «О поэтическом искусстве» / Феофан Прокопович // Русская литература XVIII века, 1770–1775. Хрестоматия / Сост. В.А. Западов. – М.: Просвещение, 1979. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/p/prokopowich_f/text_0040.shtml
11. Роднянская И.Б. Этот мир придуман не нами / И.Б. Роднянская // Новый мир. – 1999. – №8. – С. 207–217.
12. Элиаде М. Аспекты мифа. 4-е изд. / Пер. с фр. В.П. Большакова / М. Элиаде. – М.: Академический Проект, 2010. – 251 с. – (Философские технологии: антропология).
Надійшла до редколегії 18 квітня 2018 р.

Григорян К.С. Интерпретация Октябрьского мифа в рассказе В. Пелерина «Хрустальный мир».

В статье акцентируется внимание на интерпретации Октябрьского мифа в произведении Виктора Пелевина в контексте проблематики, которая беспокоит писателя на протяжении всего творчества: «Что есть добро и зло?» В. Пелевин в своём рассказе ведёт своеобразный диалог с культурными кодами, заложенными в сознание обыкновенного человека, вступает с ними в полемику. Остается актуальным и в нашем современном мире поиск писателя ответа на вопрос: Чем оказался Владимир Ленин для того мощного государства, каким была Россия? Материалом для статьи стал мифопоэтический анализ рассказа В. Пелевина «Хрустальный мир», а также дешифровка многочисленных историко-культурных аллюзий, присутствующих в тексте. Неомифологизм, или мифотворчество, В. Пелевина оказывается концептуально значимым структурно-идейным компонентом

данного произведения. Объектом нашего исследования стали также композиционные особенности рассказа В. Пелевина, художественный метод писателя; были проанализированы основные мифологемы, присущие русской национальной культуре, и их интерпретация в тексте. Российский писатель обращается к историко-социальным вопросам в период, когда они становятся по-новому существенными и тревожными в атмосфере очередного переворотного 1991 года. В этом контексте Виктор Пелевин предлагает свой ответ, свою интерпретацию того, что произошло в 1917 году, предлагает свой собственный миф. Писатель создаёт притчу о биполярности мира, о вечном возвращении и повторении историей самой себя. В. Пелевин использует архаическую модель времени, заключенного в круг, придавая повествованию абсурдность, ироничность. В этом и заключается своеобразие художественной системы В. Пелевина.

Ключевые слова: миф, неомифологизм, мифотворчество, мотив драконоборства, жанр былины, мифологема, кольцевая композиция, архаическое время.

Grigorian K.S. Interpretation of the October Myth in the STORY by V. Pelevin "Crystal World".

This article focuses on interpretation of the October myth in the work of Victor Pelevin in the context of the subject matter that worries the writer throughout his work: "What is good and evil?". Victor Pelevin doesn't cease to conduct a kind of dialogue with cultural codes embedded in the consciousness of an ordinary person, leads a controversy with them. The eternal search of the writer for the answer to the question remains relevant in our modern world: What was Vladimir Lenin for the powerful state, how was Russia? The material for the article was the mythopoetic analysis of the work of Victor Pelevin "The Crystal World", as well as the interpretation of numerous historical and cultural allusions in the text. Neomythologism, or mythmaking, of Victor Pelevin is a conceptually significant structural and ideological component of this work. The object of our research was also the compositional features of the work by V. O. Pelevin, the artistic method of the writer; analyzed the main mythologems inherent in the Russian national culture, and their interpretation in the text. The Russian writer addresses historical and social issues at a time when they are becoming new and significant and disturbing in an atmosphere of the next coup in 1991. In this context, Victor Pelevin offers his answer-interpretation of what happened in 1917, offers his own myth. The writer creates a parable about the bipolar world, about the eternal return and the repetition of history itself. V. Pelevin uses the archaic model of time, enclosed in a circle, giving the narration an absurdity, irony. This is the originality of the artistic system of V. Pelevin.

Keywords: myth, neomythologism, mythmaking, dragon motive, epic genre, mythology, ring composition, archaic time.

УДК 821.161.1.09

В. А. Гусев

Днепр

ЭВОЛЮЦИЯ ПИСАТЕЛЬСКОЙ РЕПУТАЦИИ ЧЕХОВА (60-е годы XX века – 10-е годы XXI ВЕКА)

Гусев В.А. Еволюція письменницької репутації Чехова (60-ті роки XX століття – 10-ті роки XXI століття).